

Колесо лопнуло мгновенно. Мотоцикл, не успев затормозить, клюнул носом, а затем, по инерции, вздыбился, швырнув Овчарку через руль. Чёрная фигура, описав дугу, отлетела на десяток метров, с силой ударилась о землю и покатила вниз по склону! Се Цюци подбежал, сорвал с него шлем и, приставив дуло к затылку, уже собрался спустить курок...

Овчарка закричал:

— Убьёшь меня — не поможет! Убьёшь — Чжэн Кэ всё равно в Макао не вернётся!

Се Цюци взбесился:

— Убью — и сразу же вытащу его с прииска, а потом придумаем, как бежать. Не убью — завтра твои бешеные псы снова за моей жизнью придут!

— Успокойся, — сказал Овчарка. — Это они хотят тебя убить, не я. Эти близорукие деревенщины видят только свои жалкие алмазики в карат. Что они понимают? Что они видели? Говорю тебе: убьёшь меня — ни ты, ни Чжэн Кэ живыми из Африки не выберетесь. Хм, «Командиру» плевать на каких-то азиатских поставщиков. Пока копи в наших руках — кому хотим, тому и продаём.

Се Цюци уловил ключевое слово:

— Кто такой «Командир»?

— Ты многого не знаешь, — усмехнулся Овчарка. — Я всего лишь наёмник. «Командир» — настоящий хозяин этих копей. Весь район Лунда в его власти. Без его разрешения ты даже из этой провинции не выберешься, не то что из Анголы. Или думаешь, эти псы сами по себе столько стволов раздобыли? Или что мы в порту людей режем, а полиция слепая?

Се Цюци должен был догадаться раньше: Овчарка тоже всего лишь наёмник, над ним есть кто-то повыше.

Он поднял Овчарку и, угрожая стволом, загнал в машину.

Видя, что Се Цюци всё ещё настороже, Овчарка принял серьёзный вид:

— Ты первый за много лет среди всех рабов, что сюда приехали, кто сумел пистолет на меня наставить. Я тобой впечатлён, Се. Могу порекомендовать тебя «Командиру». У тебя будет настоящая работа.

Се Цюци усмехнулся, будто услышал шутку:

— Чтобы из низшего раба в высшего превратиться?

Овчарка многозначительно протянул:

— Свободы хочешь? Цена у свободы высокая, тебе пока не потянуть. Думаешь, мы не хотим отсюда? — Он ткнул пальцем в землю. — Люди здесь — шахтёры, крестьяне, молочники, механики... Кто не хочет уехать? Я не хочу? Эти псы, что тебя убить жаждут, не хотят? Заработать да махнуть в Штаты, в Европу, в эти розовые страны удовольствия получать — разве не хотим? Кто в этой гниющей, беспокойной стране оставаться захочет?

Люди не дураки, все знают, где жить хорошо.

— Но отсюда не входят и выходят, когда вздумается, — Овчарка мягко отвёл ствол его пистолета. — Поверь, я лучше тебя знаю, каково это — в этой земле увязнуть. Я здесь уже тридцать лет. Тут свои правила. Играй по ним — будет у тебя шанс выбраться.

Се Цюци парировал:

— Ты по правилам тридцать лет играешь, а всё ещё здесь.

Овчарка не рассердился, достал пачку сигарет, протянул одну. Се Цюци не взял.

— Довезёшь груз — я тебя к «Командиру» сведу. До той поры думай, как с ним договориться. Но готовься — он не из тех, кого легко провести, — сказал Овчарка.

Се Цюци:

— А откуда я знаю, что это не ловушка? Заманишь к своим, а они меня и прикончат.

— Можешь не верить. Отпущу тебя сейчас — попробуй сам выбраться.

Было уже около часа. Они опаздывали со сдачей груза больше чем на час.

Се Цюци снова завёл двигатель и поехал к городку. В молочную лавку они прибыли около половины второго.

Дверь открыл мальчик, обрадовавшийся при виде Овчарки. Вскоре вышли мужчины разгружать товар.

— О чём они? — спросил Се Цюци, не понимая местного наречия.

Овчарка пояснил:

— Говорят, прошлая партия качественная была, из всех наших копей — лучшая.

— Они рабочие? А завод где? Под землёй?

— Завод не здесь. Как раз чтобы местоположение скрыть, здесь и сдаём.

— Боятся, что проболтаются и полиция нагрянет. Завод ваш? Или партнёры?

Овчарка тихо усмехнулся, не ответив. Се Цюци не понял — не может ответить или не хочет.

Молочная лавка была невелика, но обставлена с претензией. Полки ломились от коробок с молоком и стеклянных бутылок, в холодильнике — йогурты и газировка. Цены были выписаны по текущему курсу.

Мальчик, открывший дверь, сидел за прилавком, уткнувшись в портативную игровую приставку. Взгляд Се Цюци зацепился за фотографию в рамке у радиоприёмника: молодая пара с младенцем на руках сидела в поле.

Сверху, откинув занавеску, спустилась женщина, окликая сына спать. Она уже не была столь юной, как на снимке, одетая броско, словно неоновая вывеска: красные пластиковые босоножки на каблуке, ногти, выкрашенные в жёлтый цвет хризантемы, на обеих руках — массивные поддельные золотые браслеты. Увидев Овчарку, протянула ему самокрутку.

— Это Се, новый друг, — представил Овчарка по-португальски. — Ола Мваку, хозяйка завода.

Се Цюци пожал ей руку:

— Здравствуйте. Платье прекрасное.

Ола удивилась:

— Вы говорите по-португальски?

— Немного, — ответил Се Цюци. — Я из Макао, оно тоже было португальской колонией, вот и выучил немного.

— Тогда учитесь усерднее, — подмигнула ему Ола. — В Анголе португальский очень важен.

Се Цюци поблагодарил за совет, наблюдая, как она вышла проверять груз.

— «Мваку» в Анголе, особенно здесь, в Лунде, — фамилия знатная. Ещё в XVII веке их род королём обзавёлся. Тогда Ангола единым государством не была, Лунда — отдельное королевство. Род потом, конечно, оскудел, но аристократия есть аристократия, почёт фамилии никуда не делся. Дедушка Олы героем войны был, да и сама она в молодости, говорят, девица была смекалистая и отважная, — пояснил Овчарка.

Се Цюци наконец понял, откуда у неё такой безупречный португальский:

— Аристократка — и молочную лавку содержит?

— Эй, после стольких лет войны выжить — уже удача.

Здесь выживают не слабые.

Рассчитавшись, они покинули лавку Олы. Овчарка повёл машину к дому «Командира».

— Кое-что скажу заранее, чтобы потом не нарушил чего, — начал он. — У Командира левый глаз повреждён, не пялься на него. Личного не касайся — про семью, про дела. Он на приватность помешан. Вот и всё. Разозлится — не говори, что не предупреждал.

Они ехали через спящий городок. Ночью в придорожных зарослях светились светлячки, будто крошечные фонарики, бегущие в темноте.

По мере удаления от жилья пейзаж менялся. Поля были ухожены, грядки с баклажанами и помидорами стояли ровными рядами. Мусор исчез, уступив место чистой, широкой и ровной асфальтовой дороге. Ветер доносил лёгкий, холодноватый аромат, в послевкусии — приятная сладость. Вдалеке белел мраморный дом, словно женщина в простом белом платье, возлежащая на земле.

Логово костяного демона, прикинувшееся райским уголком, — и ведь вообразило себя святыней. Се Цюци усмехнулся про себя.

Они приехали рано. Слуга сообщил, что Командир ещё почивает, и предложил подождать.

Около пяти утра сей важный господин наконец соизволил показаться.

<http://bllate.org/book/15957/1426795>